

Лукаш Иван

Павловцы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Л.**
Павловцы / Лукаш Иван – М.: Книга по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-93989-8

ISBN 978-5-519-93989-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Опустѣли все нары. Съ грознымъ гуломъ двинулись къ воротамъ, на улицу. Шли безъ винтовокъ, шли съ голыми руками. Дорогу пересѣкало нѣсколько офицеровъ, тѣхъ офицеровъ, которыхъ теперь уже нѣтъ въ полку. Обнажили пашки, бросились на безоружныхъ солдатъ и погнали ихъ обратно въ казармы.

Казарменные ворота захлопнулись. Перекачивается подъ сводами гнѣвный ревъ... Въ роту пришли офицеры, бывший ротный командиръ крикнулъ — «въ чемъ дѣло»? Ему отвѣтилъ спутанный гулъ, откуда вырывались только отдѣльные выкрики:

— Кто приказалъ Павловцамъ стрѣлять? Снять наши посты съ улицъ!... Довольно, не будемъ, не хотимъ стрѣлять въ народъ.

Вдругъ дернулся и прогрохоталъ выстрѣлъ. Съ потолка посыпались щебни штукатурки. Офицеры поспѣшнѣ вышли.

Мятежъ запалилъ свои красные факелы:

— Громи, берись за винтовки!—метались призывы.—На улицы!... Гдѣ винтовки?

Бросились во дворъ къ ротному цейхгаузу. Сбили тяжелые засовы, однимъ напоромъ вышибли двери. Разобрали все винтовки и патроны. Но только 30 винтовокъ нашлось на всю роту. И почти съ голыми руками пошла въ тотъ день къ народу геройская павловская рота.

Къ воротамъ жметя кучка рабочихъ. Они поспѣжали, лишь увидѣли какъ выплывать на улицу рота, лишь слышали первые раскаты «ура». Они не поняли, они испуганно бѣгутъ... Солдаты срываютъ фуражки, поднимаютъ ихъ на штыки, машутъ платками.

— Стой, стой... Мы съ вами, мы за васъ.

Солдатская толпа еще колыхается около воротъ. Къ ней подбѣгаетъ бывший командиръ батальона, полковникъ Экстенъ, что-то говоритъ, приказываетъ... Гулкій ревъ, грохотъ выстрѣла, солдаты двинулись дальше—полковника оттѣснили.

Изъ подошедшей толпы рабочихъ, выходитъ вдругъ молоденькій офицерикъ. Чернобровый, живой,—разсказываютъ солдаты.

— Товарищи,—скомандовалъ офицеръ.—Кто съ винтовками—за мной!

Офицеръ... Еще одинъ безымянный герой-офицеръ. Мы знаемъ уже, какъ въ первую атаку на Литейномъ мосту Волынцевъ, повелъ юный прапорщикъ. И 26 февраля—офицеръ, другой безымянный и юный офицерикъ повелъ за собою Павловцевъ къ народу...

Солдаты подняли его на руки. Понесли, а надъ головами качалась солдатская винтовка, что была въ рукахъ офицера... По Екатерининскому каналу двинулись на Невскій.

Павловцы миновали уже церковь Воскресенія на крови, когда по другую сторону Екатерининскаго канала, показались съ Михайловской площади конные городовые. Они подскакали къ самой рѣшеткѣ, приподнялись на сѣдлахъ... Что такое? Городовые стрѣляютъ. Револьверный залпъ, еще залпъ.

Молодой офицеръ, за которымъ шли павловцы, скомандовалъ:—«Въ цѣпь!» Рызсыпались, залегли, открыли съ колѣна отвѣтную стрѣльбу. Екатерининскій каналъ задымился... Прапорщикъ вдругъ шатнулся, поблѣднѣлъ, какъ снѣгъ, и сталь спол-

затъ на панель отъ рѣшетки. Онъ былъ раненъ. Чей-то автомобиль поднялъ его и быстро увезъ. Павловцы остались безъ командира.

Кто онъ, этотъ черноволосый мальчикъ, этотъ первый герой-офицеръ, съ которымъ солдаты пошли навстрѣчу свободы? Не знаемъ мы его имени...

Залпъ догонялъ залпъ. Били бѣглымъ огнемъ, не жалѣя патроновъ. Упалъ еще одинъ раненый: какой-то коренастый матросикъ Балтійскаго экипажа. А, за чугунной рѣшеткой канала, было видно, какъ поднялась на дыбы и тяжело грохнулась лошадь. Раскинувъ руки, рухнули съ лошадей еще трое городскихъ. Повернули коней городовые, пригнулись къ сѣдламъ и ускакали назадъ, точно ихъ вѣтеръ смахнулъ...

Но навстрѣчу павловцамъ, изъ-за угла Конюшенной площади, выходила другая еще болѣе грозная цѣпь: рота преображенцевъ, съ винтовками въ рукахъ, пересѣкла улицу. Затихшая толпа павловцевъ медленно и грозно продвигалась къ цѣпи. Барабанъ глухо ударилъ оттуда. Тревожная и быстрая барабанная дробь... Сигналъ для стрѣльбы. Неужели солдатъ будетъ стрѣлять въ солдата?

— Что вы дѣлаете, не смѣйте стрѣлять... Не стрѣляйте, товарищи! Братья...—вырывались горячіе призывы изъ рядовъ павловской роты.

Рослые преображенцы вскинули винтовки за плечи, кто-то оттуда крикнулъ: «Не будемъ, не будемъ!» Преображенцы быстро ушли.

Темнѣло. Былъ шестой часъ вечера... Нѣтъ уже у геройской роты молодого, безымяннаго командира. Разстрѣляны всѣ патроны, и почти нѣтъ винтовокъ, а безъ винтовки солдатъ, какъ безъ рукъ.

Безоруженные, они такая же толпа, какъ толпы голодныхъ демонстрантовъ на Невскомъ. Нужна побѣда, а не гибель!.. Нужно собраться съ силами, позвать товарищей солдатъ на общее дѣло, нужно вернуться въ казармы.

Павловцы медленно повернули обратно.

Невольно вспомнишь здѣсь, какимъ ликующимъ потокомъ катилось на другой день возстаніе волынцевъ, какъ мгновенно подымали они полкъ за полкомъ. Павловцы были одни. Затеряны ихъ низкія красныя казармы въ глухихъ улицахъ около конюшеннаго вѣдомства. Нѣтъ у нихъ винтовокъ и пулеметовъ. Нѣтъ вблизи славныхъ товарищей. Одни, съ разстрѣянными патронами, безъ товарищей командировъ—они повернули обратно въ казармы.

Возстаніе четвертой павловской роты—трагическая страница нашего солдатскаго возстанія...

Въ казармахъ роту встрѣтилъ полковникъ Экстенъ. Онъ старался успокоить солдатъ, онъ послалъ въ баталіонъ свою визитную карточку съ приказаніемъ снять павловскіе посты съ улицъ. Вскорѣ ушелъ... И только что вышелъ на улицу, изъ толпы демонстрантовъ, что пришли къ казармамъ съ Невского, грянулъ револьверный выстрѣлъ. Полковникъ упалъ у мостика черезъ каналъ, полковникъ былъ тяжело раненъ въ голову... Толпа разбѣжалась.

И когда павловцы вышли къ нему изъ казармъ, онъ лежалъ, какъ мертвый. Но вотъ зашевелился, вздохнулъ и приподнялъ голову.

— Братцы,—прошепталъ онъ, узнавъ своихъ солдатъ.—Братцы, положите меня на шинель... Я лежу на сырой землѣ.

Кто-то сбросилъ свою шинель. Полковника, потерявшаго снова сознаніе, подняли на руки, принесли на шинели въ роту. Тихо и бережно опустили тамъ на солдатскій матрацъ. Полковника унесли въ полковой лазаретъ на солдатскомъ матрацѣ, пропитавшемся за дорогу кровью...

Началась трагедія. Трагедія перваго дня, который былъ днемъ пораженія.

Глубокая тишина въ казармахъ четвертой роты. Время ужинать, но ужинать никто не садится. Многіе легли на нары и закрылись съ головой. Другіе сидѣли, опустивъ головы на руки, тихо переговариваясь.

— Все потеряно, товарищи... Теперь подъ разстрѣль намъ идти. Не довелось прорваться къ родному народу...

Тишина. Подъ высокими сводами тускло горятъ въ сыромъ туманѣ электрическія лампочки. Сырыя казармы у четвертой роты—онѣ передѣланы изъ придворныхъ конюшенъ. И тамъ всегда въ зеленоватыхъ пятнахъ плѣсени потолокъ и всегда мутной и влажной стѣпой стоитъ туманъ. А въ тотъ вечеръ будто еще тяжелѣе и глуше давила грудь эта парная стѣна...

Скоро въ казармы пришли офицеры. Много ихъ было, очень много. Блѣдные взволнованные они молча прохаживались вдоль наръ, гдѣ сидѣли и лежали затихшіе солдаты.

Въ 8 час. вечера данъ былъ приказъ отобрать у четвертой роты оружіе.

Они отдали свои тридцать винтовокъ. Они знали, что обороняться нечѣмъ, что больше нѣтъ ни од-

ного патрона. Винтовки взяли и унесли. Въ 8 час. вечера, 26 февраля,—все было кончено...

Прижимаясь горячими лицами къ стекламъ, многіе смотрѣли въ темныя окна. Казармы—окружены. Подъ самыми окнами стоятъ солдатскія цѣпи. Пулеметы на набережной. Кругомъ казармъ желѣзное кольцо пулеметовъ. Ихъ по три противъ каждой двери. Узкія, темныя жерла грозятъ со всѣхъ сторонъ. Все кончено...

Ночь уже настала. Долго еще не умолкалъ печальный шопотъ переговоровъ на нарахъ, но мало-по-малу все стихло. Притушили электрическія лампочки. Въ полутьмѣ—безшумно метались въ оконныхъ стеклахъ красноватые отблески костровъ. На улицѣ, кругомъ костровъ, грѣлись въ морозномъ туманѣ сторожившіе четвертую роту солдаты.

2 ч. ночи. Тяжелымъ сномъ уснули казармы. И тогда начались въ темнотѣ глухіе и быстрые аресты.

Берутъ по одному, берутъ хитростью. Крадучись подходятъ къ нарамъ, осторожно будятъ и тихо шепчутъ то одно, то другое.

— Вставай, братъ,—ты назначень въ командировку... Проснись, да потише,—тебѣ на дневальство идти... Чего заспался,—въ канцелярію тебя вызываютъ.

Каждый вставалъ, тихо одѣвался и уходилъ, не зная, что передъ нимъ уже вышли другіе. Только выведутъ за первую дверь,—тамъ толпа офицеровъ. Въ головѣ мелькаетъ: это не то, это обманъ, не затѣмъ везутъ, зачѣмъ вызывали. Только выведутъ за вторую дверь,—тамъ кругомъ смыкается конвой.

Штыки наставлены на грудь. Замираетъ крикъ. Спятъ товарищи, не слышать... А если бы крикнуть, а если бы позвать ихъ на помощь!

II.

Арестованныхъ выстроили на Екатерининскомъ каналѣ. Девятнадцать товарищей было взято изъ четвертой роты. Оглядѣлись они, узнали другъ-друга. Кто-то было заговорилъ, но изъ темноты рѣзкій голосъ крикнулъ:

— Молчать! Если будутъ между собой разговаривать, бей ихъ прикладомъ безъ пощады...

У казармъ разложены костры. Видны въ багровомъ дыму недвижныя тѣни часовыхъ и настороженные силуэты пулеметовъ,—лучше не глядѣть. Наконецъ послышалась глухая команда—«Направо, шагомъ маршъ!» Двинулись.

Марсово поле. Темное и длинное Марсово поле. Промелькнула мимо глазъ бѣлая колоннада старинныхъ Павловскихъ казармъ. Конвойные идутъ въ двѣ шеренги—ихъ больше шестидесяти человѣкъ. Молча идутъ они.

Вышли на Троицкій мостъ. Онъ широкъ и безлюденъ и кажется черной Нева подъ высокими пролетами. А за мостомъ въ сумракъ ночного неба высится нѣмой тѣнью Петропавловская крѣпость.

Конвой свернулъ на деревянный крѣпостной мостъ. Проходить подъ первую арку воротъ. У подворотной иконы теплится тихая, синяя лампада. Павловцы сняли фуражки и перекрестились одинъ за другимъ, сосредоточенно и медленно.

Вторая арка. Потомъ стѣна какого-то зданія. Павловцевъ выстроили. Офицеръ ушелъ. Конвой и

арестованные молча ждали, когда онъ вернется. И вотъ, снова команда.

— Пять конвойныхъ впередъ!.. Остальные по бокамъ: пропустить арестантовъ!

Тихо застоналъ въ замкѣ ключъ. Маленькая калитка отворилась въ стѣнѣ. Одинъ за другимъ прошли въ нее Павловцы. Снова застоналъ ключъ — калитку захлопнули.

Арестованные стояли на небольшомъ дворикѣ, узкомъ и темномъ, какъ колодезь. Мигающимъ, непривѣтливомъ глазомъ свѣтился въ одномъ только окнѣ желтый свѣтъ. Павловцевъ вызываютъ по пяти человѣкъ и по пяти человѣкъ уводятъ туда, гдѣ свѣтится въ темнотѣ желтый глазъ окна.

Это вѣроятно была тюремная канцелярія: ворохи бумагъ на столахъ, всюду красныя и синія папки дѣлѣ. Лысый, полный офицеръ поднялъ отъ бумагъ голову. Равнодушно переспросилъ фамиліи, неторопливо записалъ ихъ въ книгу. Павловцевъ обыскали, отобрали отъ нихъ ремни и ножи. Лысый офицеръ приказалъ, чтобы въ камерахъ была полная тишина, махнулъ рукой... Арестованныхъ увели.

По широкой, освѣщенной электричествомъ лѣстницѣ, ведутъ куда-то наверхъ. Вошли въ глухой корридоръ, съ желѣзными, узкими дверями въ обѣихъ стѣнахъ.. По девяти человѣкъ, кромѣ одного, котораго заключили отдѣльно, павловцевъ разводятъ по камерамъ. Съ тяжелымъ звономъ захлопнулись кованыя двери.

Трубецкой равелинъ замкнулъ въ глухомъ камнѣ своихъ стѣнъ — послѣднихъ борцовъ, послѣднихъ страдальцевъ во имя свободы...

Холодный и смертый въ камерахъ воздухъ.

Въ стѣнѣ—мрачный огонекъ одинокаго ночника. Узкое, квадратное окно, забранное четырьмя толстыми, желѣзными прутьями. Желѣзная койка, привинченная къ стѣнѣ. Кто усталъ—прислонился къ дверямъ, кто сѣлъ на койку, кто молчаливо и мѣрно заходилъ изъ угла въ уголъ... Волнуются всѣ. По спинѣ пробѣгаетъ жуткая дрожь, точно самую душу пронизываетъ холодъ каменныхъ стѣнъ.

Только на разсвѣтѣ, когда стало уже тихо розовѣть и запотѣло окно за посинѣвшими прутьями рѣшетки, заснули въ Трубецкомъ равелинѣ. Спали на корточкахъ, прижимаясь къ холодной, влажной стѣнѣ. Спали, устало раскидавшись, на каменномъ полу...

Утро 27 февраля. Кирпичниковъ вывести уже учебную команду Волынцевъ къ народу, но попржнему, въ другомъ концѣ города, окружена пулеметами и войсками геройская Павловская рота. Изъ казармъ не выпускали даже больныхъ. Еще съ ночи шли допросы. И многіе видѣли, какъ на улицѣ, караулы захватывали тѣхъ Павловцевъ, кто возвращался изъ города домой. Не пропускали ихъ въ родную роту... Такъ было задержано еще 16 товарищей и отправлено подъ арестъ на баталіонную гауптвахту.

Съ ранняго утра тамъ велъ допросъ самъ Хабаловъ. Онъ все писалъ и писалъ. Солдаты помнятъ загнутый, какъ у хищной птицы, генеральскій носъ, помнятъ чуть прищуренный и жесткій взглядъ изъ-подъ насушенныхъ бровей. Всѣ допросы онъ заканчивалъ окрикомъ:

— А ты знаешь, что тебѣ будетъ за это?

— Такъ точно, знаю!—не спуская глазъ, отвѣ-

чалъ каждый изъ солдатъ. Всѣ знали, что ждетъ одно: беспощадный разстрѣлъ...

Къ обѣду Хабаловъ приѣхалъ въ четвертую роту. А въ ротѣ съ 8 ч. утра солдатъ усадили за изученіе тупой «словесности». Они повторяли бессмысленныя, тяжелыя фразы о знамени и царской фамиліи, а въ головѣ билась одна мысль:— когда же выстроятъ, когда же поведутъ,—безоружныхъ и молчаливыхъ, туда, гдѣ уже быть можетъ погибли девятнадцать товарищей.

Хабаловъ торопливо прошелъ въ ротную канцелярію. Туда были вызваны отдѣленные и взводные. Снова угрозы и окрики, снова допросъ... Въ 2 ч. дня генералъ быстро уѣхалъ.

Посмотрѣли въ окна павловцы, а охраны уже нѣтъ. Войска снялись и ушли... И тогда же прокатилась вдругъ благостная вѣсть по казармамъ— возстали воынцы, литовцы, саперы. Войска пошли добывать народу свободу. На улицахъ бой... Отлегло съ сердца у павловцевъ. Точно все посвѣтлѣло.

— Развеселилась тогда у насъ душа,—вспоминаютъ они съ улыбкой.

Около 4 ч. дня преображенцы вызвали павловцевъ къ Зимнему дворцу. Они звали туда всѣхъ, чтобы сказать, что войска съ народомъ, что они не будутъ больше стрѣлять въ своихъ братьевъ. Но никому не довѣряла четвертая рота, и тамъ всѣ ждали новыхъ обмановъ и хитрыхъ ловушекъ. И только тогда пошли они ко дворцу, когда съ хоромъ музыки, двинулся на Дворцовую площадь весь Павловскій полкъ.

Въ Зимнемъ дворцѣ павловцы были недолго. Недовѣріе и безпокойство, незнаніе зачѣмъ вызвали